

Они знали, что любовные письма, присланные тем юношей-куртизаном, были написаны рукой «Милого».

Оказывается... оказывается, те письма, которые тысячник каждый день распечатывал, были написаны Хэ Чжияном из Академии Гоцзыцзянь?

Ааа, разве брат Ян не всегда косился на их тысячника? Зачем ему тайно проявлять к нему симпатию?

Хэ Чжиян застыл на месте, а в голове пронеслись лишь два огромных знака: «Провал».

Цяо Юэ с глубоким взглядом медленно приблизился к Хэ Чжияну и тихо, чётко произнося каждое слово, сказал:

— Милый? Подпись в письмах брата Яна... она мне кажется смутно знакомой.

Услышав это, Хэ Чжиян окаменел на месте.

Всегда гордо речистый и мастерски выкручивающийся, сейчас он даже не знал, куда смотреть, отчаянно пытаясь вымолвить хоть слово, но ничего не выходило!

Что делать?

Глядя на задумчивый вид Цяо Юэ, Хэ Чжиян предположил, что тот, должно быть, знает правду...

Нет! Это должно быть недоразумение!

В конце концов, это были любовные письма, неужели Цяо Юэ... в самом деле настолько прост, что подумает, будто я испытываю к нему какие-то непристойные фантазии!?

Не может быть!

Но взгляд Цяо Юэ стал таким глубоким и непонятным, что сердце невольно сжалось от страха.

Однако чем больше он хотел объясниться, тем меньше понимал, с чего начать...

Хэ Чжиян лихорадочно искал оправдания, боясь, что одно неверное слово разрушит его репутацию грозы школы, которую он с таким трудом завоевал...

Но прежде чем запутанный мозг Хэ Чжияна успел сообразить что-либо, Ли Цзи снова безжалостно открыл рот, нанося сокрушительный удар:

— Тысячник Цяо, так ты действительно отпустишь брата Яна? Он же полмесяца старательно писал любовные письма, а девушка сегодня назначила ему встречу!

Хэ Чжиян замолчал.

Все детали были на месте! У него не хватит рта, чтобы всё объяснить!

Ему конец.

Цяо Юэ бесстрастно посмотрел на Хэ Чжияна и, услышав слово «девушка», опасно прищурился.

Хэ Чжияну нечего было сказать. Он изо всех сил старался игнорировать пронзительный, словно осязаемый, взгляд Цяо Юэ и, чтобы сохранить остатки достоинства грозы школы, пнул Ли Цзи, без добра сказав:

— Каким глазом ты видел, что я писал серьёзно?

Факт писем скрыть нельзя было сразу, но хотя бы... нельзя было позволить Цяо Юэ подумать, что он был искренен!

Такое недоразумение было бы слишком глубоким!

Ли Цзи, совершенно не чувствуя приближающейся опасности, с круглыми глазами ответил:

— Ты же каждый день под носом у учителя пишешь по несколько штук, разве это не серьёзно?

...Человек отвечал так серьёзно.

Настолько серьёзно, что Хэ Чжиян хотел провалиться сквозь землю.

В тот момент, когда он был в полной растерянности, «святой из сватов» Ли Цзи, не выдержав, торопливо подсказал:

— Брат Ян, вы же не идёте на свидание с девушкой? Зачем тут зря болтать и терять время!

Правильно!

Правильно, правильно, правильно!

Сегодня он, Хэ Чжиян, должен пойти на свидание с девушкой!

Письма не могли быть написаны зря, у него были важные дела, как он мог задерживаться здесь?

Хэ Чжиян с трудом выпрямился, не решаясь оглянуться на выражение лица Цяо Юэ, и подготовился к быстрому отступлению.

Что касается этого бардака... он вернётся, чтобы объяснить с Цяо Юэ, когда успокоится и придумает оправдание!

Но как только он сделал пару шагов, сзади раздался низкий голос Цяо Юэ:

— Стоять!

Тело Хэ Чжияна окаменело.

Цяо Юэ подошёл к нему, двумя пальцами удерживая тонкий лист бумаги, и без лишних слов сказал:

— Почему письма брата Яна оказались в Страже в парчовых одеждах?

Время заката, вокруг стояла тишина, птицы, вспархивая с веток, забыли петь.

Ли Цзи с трудом повернул шею, увидел знакомое письмо, и его зрачки мгновенно расширились.

Это... это... он помнил, это письмо ещё пару дней назад лежало на столе брата Яна! Как... как оно сейчас оказалось в руках Стражи?

Ли Цзи с недоверием посмотрел на Хэ Чжияна и обнаружил, что у обычно наглого брата Яна даже уши подозрительно покраснели.

Это... это чёрт возьми происходит?

Прежде чем Ли Цзи успел издать звук, Цяо Юэ легко похлопал письмом по груди Хэ Чжияна и, прищурившись, спросил:

— Брат Ян, не объяснишь?

В казавшемся насмешливым тоне скрыт был ледяной холод.

Хэ Чжиян глубоко вдохнул, посмотрел на Цяо Юэ и сказал:

— ...Что тут объяснять? Разве мои чувства к тебе не написаны в письме?

Цяо Юэ на мгновение опешил, в его взгляде, обращённом к Хэ Чжияну, появилось больше изучения.

Ли Цзи дёрнул уголком рта. Он знал, что в столице некоторые ради угождения Страже тратят все силы, чтобы наладить связи и подать прошения, но брат Ян явно не такой человек!

А писать любовные письма — это уже выходит за рамки простого приветствия, попросту говоря, это... признание в любви!

Взгляд Ли Цзи на Хэ Чжияна был полон боли и сожаления!

Цяо Юэ также был удивлён. Он думал, что с характером Хэ Чжияна тот либо будет отрицать до конца и делать вид, что ничего не понимает, либо великодушно признается, что это была шутка или попытка его подставить.

В любом случае, он мог бы забрать его и медленно допросить, дав хороший урок.

Но он никогда не думал, что Хэ Чжиян прямо скажет, что это любовные письма, написанные ему?

Если бы он не знал причин и следствий, то, встретившись взглядом с Хэ Чжияном, он бы почти поверил...

Цяо Юэ на мгновение потерял дар речи, но, успокоившись, поднял бровь:

— О? Значит ли это, что это любовные письма ко мне?

В его горящих глазах читалось не волнение или ожидание, а глубокое сомнение и изучение, словно хищник, размышляющий, как поймать добычу.

— Конечно. — Хэ Чжиян вызывающе скривил губы, показывая нетерпение. — Что? Страже в парчовых одеждах нельзя за мной ухаживать?

Хэ Чжиян молниеносно придумал план ответа — несколько любовных писем действительно были написаны им, это факт, от которого не отделаешься. Раз Цяо Юэ уже знает об этом,

сейчас у него осталось только два пути: либо отрицать всё, либо признать факт.

Сейчас, когда улики неоспоримы, отрицание выглядело бы как признание вины. Хэ Чжиян всегда вёл себя открыто и не хотел без причины прогибаться под Цяо Юэ.

В мгновение ока Хэ Чжиян даже подумал рассказать всё как было.

Но это был не только его замысел, и, учитывая характер Стражи — «месть за любую обиду», — если бы они узнали, что он втайне строил козни, это наверняка обернулось бы большими неприятностями.

Лучше выбрать компромисс и великодушно признать, что письма написаны им.

В конце концов, он известен своими безумствами, и то, что он положил глаз на стражника, не считается чем-то невероятным — это он влюбился в мужчину, а не мужчина в него, как ни считай, он не в проигрыше!

В любом случае, в плане духа он точно не должен проиграть!

В глубоких глазах Цяо Юэ промелькнула тонкая эмоция. Он слегка наклонился, словно насмехаясь, сказал:

— Значит, брат Ян положил глаз на Цяо?

Его конец фразы был очень низким, тихо коснувшись уха Хэ Чжияна, вызывая жар.

— ...Да, разве я не люблю ходить в дома куртизанов слушать песни? — Хэ Чжиян незаметно сделал два шага в сторону, окидывая Цяо Юэ взглядом. — Но те юноши слишком слабые, мне захотелось попробовать новенького, и я решил, что Стража в парчовых одеждах — особенный вариант, можно попробовать заухаживать.

Слова Хэ Чжияна были предельно легкомысленны, и Пан Ин, прятавшийся в тени, уже едва сдерживался, чтобы не выхватить меч!

Слава Стражи в парчовых одеждах, где бы она ни звучала, вызывала трепет, но они никогда не сталкивались с таким чудовищным оскорблением.

— Правда? — Цяо Юэ, зная, что тот перед ним несёт чушь, почувствовал, как сердце внезапно пропустило удар. Он шаг за шагом приближался к Хэ Чжияну, с улыбкой спрашивая. — В чём же особенность?

Хэ Чжиян промолчал.

Он придумал этот план экспромтом, и в нём также было желание подавить дух Стражи.

Ведь строгий и суровый стражник, которого стал преследовать мужчина, разве не должен был почувствовать возмущение?

Кто знал, что Цяо Юэ не будет играть по правилам, а будет с интересом копать до самого корня?

— В письмах всё написано. — Хэ Чжиян приподнял уголки губ, набравшись смелости, стряхнул листок с плеча Цяо Юэ и с усмешкой сказал. — Как? Хочешь, чтобы я лично прочитал тебе?

В его всегда наглом голосе сквозила незаметная нежность и снисходительность, но кончики пальцев, спрятанные в рукавах, незаметно дрожали...

Цяо Юэ не в ярости ли нападёт на него?

Ли Цзи, наблюдавший за всем этим со стороны, хлопнул себя по бедру и наконец понял!

Брат Ян писал эти письма не из симпатии, а чтобы другим путём оскорбить Стражу!

Ведь Цяо Юэ — самая самонадеянная и строгая фигура в офицерской школе Стражи, а сейчас брат Ян влюбился в него и обращается с ним как с маленьким любовником.

Разве Страже в парчовых одеждах ещё есть место, чтобы хвастаться своей силой?

Ууу, брат Ян действительно брат Ян. Хотя этот метод трудно выговорить, но он может сбить спесь Стражи.

Цяо Юэ навис над Хэ Чжияном, пристально разглядывая его какое-то время, и вдруг медленно произнёс:

— Ты написал более десятка писем подряд, так старательно... это можно назвать редкой искренностью?

Цяо Юэ был слишком близко, его дыхание щекотало ухо, вызывая панику в сердце, и Хэ Чжиян совсем не решался смотреть прямо в его тёмные, непонятные глаза.

Хэ Чжиян слегка попятился:

«Да чтоб тебя!»

<http://bllate.org/book/16783/1543344>